

УДК 94(394)

Ануприенко И.А.¹Перовская С.С.²Гончаров А.С.³**ЧИСЛОВОЙ СИМВОЛИЗМ ИМЕН АХУРА-МАЗДЫ В ТЕКСТЕ СТАРШЕЙ
АВЕСТЫ**

Ставропольский государственный педагогический институт

Anuprienko I. A.**Perovskaya S. S.****Goncharov A. S.****NUMERICAL SYMBOLISM OF AHUR-MAZDA'S NAMES IN TEXT OF THE ELDER
AVESTA**

Stavropol State Pedagogical Institute

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению исторических особенностей отражения ментального комплекса персов в тексте Старшей Авесты. В ходе исследования мы анализируем фрагмент из Авесты, в котором раскрывается значение имен Ахура-Мазды. В рамках диахронического подхода мы изучаем первичную и вторичную семантику имен божества в соотношении с исторической ретроспективой. Главным источником выступает Первая Гата Заратуштры. Опорными историческими источниками выступают данные археографических и семиотических исследований.

Abstract: This article is devoted to the study of the historical features of the reflection of the mental complex of the Persians in the text of the Elder Avesta. In the course of the research, we analyze a fragment from the Avesta, which reveals the meaning of the names of Ahura Mazda. Within the framework of the diachronic approach, we study the primary and secondary semantics of the names of the deity in relation to the historical retrospective. The main source is the First Gatha of Zarathushtra. The main historical sources are the data of archaeographic and semiotic research.

¹ Ануприенко Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института.

² Перовская Софья Сергеевна – бакалавр, кафедра Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института.

³ Гончаров Артем Сергеевич – бакалавр, лаборант кафедры Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института.

Ключевые слова: зороастризм, ментальность, семантика, символ, число, восприятие, описание.

Key words: Zoroastrianism, mentality, semantics, symbol, number, perception, description.

Проблема исследования числовых символов Старшей Авесты в рамках исторического, историко-семиотического и диахронического анализа имеет недостаточную степень изученности. В частности, спорным на сегодняшний день является вопрос о внутренних связях и образных значениях чисел в гимнах (Гатах) Заратуштры Спитамы зороастрийскому божеству.

Актуальность темы исследования заключается в необходимости более детального изучения исторической ретроспективы гимнов в составе Старшей Авесты, влияния уникальной религиозной картины мира на формирование особого отношения к числам как к знаковым проявлениям божественного, сакрального в природных и обрядовых явлениях. С позиции диахронического анализа, ценность представляет изучение отношения персов к сакральным числам на территории восточной части Иранского плато в VI-V вв. до н. э.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования материалов работы при формировании комплексного представления о религиозной картине мира персов, специфике распространения зороастризма, восприятия числовых значений и уникальных космологических образов. Результаты исследования могут быть использованы в школе на уроках по «Истории Древнего мира» и в высшем учебном заведении на занятиях по историческим, источниковедческим и лингвистическим дисциплинам.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным изучением оригинала и переводов Первой Гаты в рамках диахронического анализа, с опорой на весь текст Старшей Авесты, археологический и семиотический материал. Исходя из текущего состояния кодификации авестийских текстов, нами предложен новый взгляд на особенности восприятия персами числовых знаков в переходный период отказа от старой арийской религии и возникновения дуализма при описании Заратуштрой борьбы добра и зла.

Цель исследования – проанализировать особенности восприятия сакральных чисел в именах Ахура-Мазды.

Методы исследования. Общенаучные: анализ, синтез, дедукция, сравнение, интерпретация, конкретизация. Специально-исторические: нарративный, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический, метод диахронического анализа. Лингвистические: диахронический метод, метод лингвистического наблюдения и описания, сравнительно-лингвистический метод, лексико-семантический метод,

контекстный метод. На основе совокупности используемых методов мы придерживаемся диахронического подхода.

В собрании пехлевийских источников Откровение Ахура-Мазды содержит множество сравнений божеств, проявлений Добра с определенными числами. В Старшей Авесте с наиболее архаичным языком перекликаются мотивы восхваления природы с описанием возникновения категории «божественного» из «числового». Здесь важно подчеркнуть особенности личности самого Заратуштры, который по-своему понимал значение числовых знаков и трактовал их, с одной стороны, отталкиваясь от старой арийской религии и миропонимания персов, а, с другой – при обнаружении им новых природно-географических закономерностей [1]. Числовые знаки в восточных лингвокультурах часто являются отражением ментального комплекса, следствием внешней обусловленности развития этносов [7].

Важную роль при установлении числового символизма Гаты Ахура-Мазде имеет анализ исторической личности пророка Заратуштры.

Предположительным местом рождения пророка считается город Арсакия (один из крупнейших центров Мидии, государств Ахеменидов, Селевкидов и Сасанидов). Заратуштра говорил на старо-авестийском языке, из текста Старшей Авесты ясно, что он родился в семье Спитама, древнеиранского жреческого рода. Античные авторы пишут, что период жизни Заратуштры совпадает с правлением Гистаспа. Данные лингвистического анализа указывают на XI-X вв. до н. э. Имена отца и матери – Порушаспа и Дугдова – также указывают на то, что Заратуштра принадлежал к богатому жреческому роду [17]. В Гатах сам Заратуштра описывает себя как страдальца, наделенного многими мирскими страстями. Заратуштра не был примером благочестивого человека, но призывал к служению Солнцу и Огню – природным проявлениям бога, чтобы отвергнуть стремление к земным удовольствиям [2]. Античные источники окутали личность Заратуштры нимбом святости и наделили пророка эсхатологическими атрибутами [11].

Заратуштра был женат трижды. Один раз – на вдове, два других раза – на молодых девушках. Вдова родила двух сыновей, которых называли Урватат-нара и Хвара-читра. Урватат-нара стал скотоводом, а Хвара-читра решил заняться воинским искусством, затем поступил на службу. От молодых девушек у Заратуштры получил четырех детей. Старший сын Исад-вастра унаследовал имущество Заратуштры и, согласно Младшей Авесте, стал верховным зороастрийским жрецом, продолжил дело отца. Ряд историков придерживается мнения, что Исад-вастра не был верующим человеком, а стал проповедовать, чтобы не разочаровать отца. Другими детьми Заратуштры были три дочери: Френи, Трити и

Поручиста. Каждая из них отличалась благочестием, набожностью. В Старшей Авесте можно встретить упоминания о гордости пророка за своих детей. Числовой символизм проявляется как в самом количестве наследников воли отца, так и в числовом компоненте вторичной семантики, особом сочетании имени детей и имени рода Спитама [3; 5].

Первая и главная Гата посвящена божеству в его высшем проявлении. Ахура-Мазда (пехл. 'Whrmzd' – «Бог Мудрый») признается Заратуштрой безначальным творцом, имеющим проявления в природе, главным образом, в Солнце и Огне, а также в числах, которыми насыщена природа [4]. Ключевое значение в Гате имеет обращение Ахура-Мазды к Заратуштре, когда божество с помощью числе раскрывает пророку свою сакральную сущность: «...Ахура-Мазда молвил: “Мне имя – Вопросимый, О верный Заратуштра, Второе имя – Стадный, А третье имя – Мощный, Четвертое – я Истина, А, в-пятых, – Все-Благое, Что истинно от Мазды, Шестое имя – Разум, Седьмое – я Разумный, Восьмое – я Ученье, Девятое – Ученый. Десятое – я Святость, Одиннадцать – Святой я, Двенадцать – я Ахура, Тринадцать – я Сильнейший, Четырнадцать – Беззлобный, Пятнадцать – я Победный, Шестнадцать – Всесчитающий, Всевидящий – семнадцать, Целитель – восемнадцать, Создатель – девятнадцать, Двадцатое – я Мазда”» [1].

Первое имя, оно же «нулевое», указывает на вечное начало. В авестийском языке порядковое числительное «первый» (лат. авест. «*fratēma-*» / «*raoīrīia-*») символизирует пустоту, как, например, «ноль» во многих восточных религиях (буддизме, даосизме и исламе) [6]. «Первый» и «один» («*aēuua-*») также соотносятся с семантикой слова «огонь», «пламя» («*ātarš-*»), концепт *ātarš* включает в себя понятия «безграничность», «беспредельность» и, в то же время, определяет единичное начало, то есть, единицу *aēuua-* со вторичной семантикой. «Мне имя – Вопросимый», – первое имя Ахура-Мазды, которое условно не произносится. Божество задает вопрос Заратуштре, при этом, само на него отвечает. Это явление называется «семантической антиномией» – высказывание, истинность или ложность которого нельзя определить, исходя из особенностей его формулировки [8].

Рассматривая интенцию автора, Заратуштры, и воспринимая текст Старшей Авесты как продукт его творчества, можно сказать, что антиномия здесь выполняет интегративную функцию – объединяет и координирует смыслы в послы божества, подчиняя его единому образу семантическое пространство других образов. Возможно, этими образами является представление Заратуштры о природе богов старой арийской религии, бессознательное желание сохранить их в природе нового божества. Такой позиции придерживаются исследователи А.С. Миксюк и Т.Ш. Халилова [9; 14].

Следующие имена образуют единый рассказ. «Второе имя – Стадный», – мужское и

женское начало, которое в космогонии ассоциируется с периодом воцарения верховного божества, наделения его мужскими или женскими атрибутами. Семантика числительного «второй» – мудрость, самосознание. Ахура-Мазда обращается внутрь себя. «Стадный», исходя из такой трактовки, может означать «бесконечный». В данном контексте подтверждается наша гипотеза о том, что Заратуштра хотел сохранить в образе Ахура-Мазды образы богов старой арийской религии. Третье имя – Истина [1]. В персидском ментальном комплексе оно символизирует идею триединства, свойственную практически для каждой мифологической традиции, в особенности, для иранской, славянской, карпато-балканской и др. мифологий [16].

Числительное «третий» раскрывается в прилагательном «Мощный» (в непоэтических переводах – «Могущественный»). Если в начале Ахура-Мазда описывает пространство – свою первичную форму, мужское и женское воплощение, то здесь речь идет о времени: ключевой атрибут «могущества» Ахура-Мазды – это его существование в прошлом, настоящем и будущем [1]. С другой стороны, С.Н. Соколов определяет Третье имя как триединство духа, души и тела, телесным воплощением Ахура-Мазды является Солнце. Если же рассматривать Солнце как относительно самостоятельное воплощение, то Третье имя можно считать «переходным» между объяснением божеством своей формы и временных характеристик [12].

Четвертое имя – полнота в значении «природа», «природное равновесие» [1]. «Четыре» в представлении персов представляется совершенным числом и природным воплощением, это целостность, совокупность всех природных явлений и их абсолютная полнота [13]. Во многих персидских мифах и ранних притчах «четыре» понимается как идеальная пропорция и символизирует первоэлементы, стороны света. Идеал – это единственная форма истины, как следует из зороастрийского канона. Четвертое имя формализует атрибуты божества. Пятое имя «Все-Благое» завершает обобщенное описание сущности божества, служит переходом для описания частных характеристик [10].

Особое значение имеет выражение «Что истинно от Мазды». Мазда, то есть, Мудрый дарует истину кому-либо, передает свои атрибуты другим своим проявлениям. Здесь, судя по всему, имеются в виду воплощения Ахура-Мазды: Ардвиг-Сура, Солнце, Митра, Вэртрагне, Аши и Хварно. Обобщенные характеристики мудрости (первое-пятое имена) отражены в функциях и атрибутах проявлений Ахура-Мазды [2]. Эта же семантика свойственна для шестого имени – Разум, так как разум понимается в качестве конкретной, выраженной мудрости существа, осознающего себя мудрым. Седьмое имя «Я Разумный» возвращает повествование к абсолюту, первичному образу [1]. Число семь у персов ассоциировалось с

счастьем, благом [10], хотя, это единственный числовой символ, описания которого нет ни в Старшей, ни в Младшей Авесте.

Восьмерка в персидской мифологии ассоциируется с рассказом, добрым знамением [15]. Восьмое имя – «Я Ученье», девятое имя – «Ученый». Правильнее будет употребить здесь непоэтический перевод: «Я Знание» и «Знающий». «Сакральное» знание включает в себя семантические схемы: «знание – осознание – понимание» и «исток – знание – форма знания». Сам Заратуштра, скорее всего, понимает знание не как источник мудрости, а как «исток» непосредственно в мифопоэтическом восприятии, знание – причина всего. По аналогичной схеме можно раскрыть десятое и одиннадцатое имя – «Я Святость» и «Святой Я». Правильнее будет выразить этот посыл так: «Я Святость» и «Святостный», «Священный» или «Благой». Десять ассоциируется с «законом», «праведностью», а одиннадцать – с нарушением закона, разрушением границ дозволенного. То есть, концепт «святости» актуализируется в едином образе «Я – Святость» и «Я – Ахура-Мазда», где имеется в виду полное отождествление самости бога, его атрибутов (первое-девятое имена), это изображение бога как образа и бога как мудрости [1].

Исходя из текста Авесты, Ахура-Мазда пребывает в светлой Гародмане («Доме песнопения»). Там происходит явление телесных воплощений Ахура-Мазды, с тринадцатого по двадцатое имена [15]. Двенадцатое имя «Я Ахура» олицетворяет космический порядок и «самость самости» божества. Тринадцатое имя – прямое телесное воплощение, переход описания из глубинной сути Ахура-Мазды в его опредмеченное состояние. В общей индоевропейской традиции число тринадцать либо означает удачу, либо, наоборот, беды и несчастье (последнее свойственно для мифологий, где наблюдается синтез картин мира двух противоборствующих народов). Персы понимал число тринадцать как символ удачи и силы, это предметное состояние «могущества» – Третьего имени. Четырнадцатое имя – «Беззлобный». Число четырнадцать ассоциируется у персов с волей, решимостью; природный символ – Солнце и, соответственно, свет. В контексте описания Пятнадцатого имени «Победный» это может означать беззлобное противостояние самому злу. Под злом в зороастризме понимаются «тени» – грехи и проступки людей, все дурное, что есть в мире [1].

Шестнадцатое имя – «Всесчитающий» и семнадцатое – «Всевидающий». В данном контексте «зрение» в переносном смысле означает созерцание, способ познания, тогда процесс счета – детальный анализ всего познанного. Числа шестнадцать и семнадцать у персов ассоциировались с материальным и духовным началами мира (в их завершенном космологическом виде) [9]. Восемнадцатое имя – «Целитель», семантика числа

восемнадцать частично раскрывает этот посыл: в тексте Авесты число восемнадцать сравнивается с достатком, благополучием в чем-либо. Здесь имеется в виду достаток в аспекте материального начала мира, его развитие. Девятнадцатое имя – «Создатель», оно описывает человека как воплощение бога, так как число девятнадцать символизирует творчество и процесс созидания. Двадцатое число является главным символом бога Ахура-Мазды, оно же отражает практический аспект мудрости [1].

На русский язык словесное выражение числа двадцать в тексте Авесты можно перевести так: «разумность», «премудрость», «рассудительность».

Двадцатое имя изображает насыщение человека (Девятнадцатого имени) завершенной формой мудрости [1].

Таблица 1

Числовая семантика имен Ахура-Мазды

Число	Символы (первичная семантика)	Имя	Значение имени (вторичная семантика)
1.	Огонь, пламя	Вопросимый	Пустота
2.	Мужское и женское начала	Стадный	Бесконечность
3.	Солнце	Мощный / Могущественный	Процесс перехода, триединство формы и триединство времени
4.	Равновесие	Я Истина	Природа
5.	Наполненность, пресыщение	Все-Благое	Включает в себя прочие воплощения Ахура-Мазды
6.	Гармония	Разум	Обобщенные характеристики мудрости
7.	Счастье, благо	Я Разумный	Абсолют: самовыражение Ахура-Мазды
8.	Рассказ, повествование, доброе знамение	Я Ученье	Осознание, понимание
9.	Порядок	Ученый	Исток, форма или источники знания
10.	Закон, праведность	Святость	Благо
11.	Нарушение закона,	Святой Я	Рассудительность, здравость

	разрушение основ		(образная, практическая мудрость)
12.	Высший порядок	Я Ахура (Бог)	«Самость самости»
13.	Удача	Сильнейший	Тело, предмет
14.	Воля, решимость	Беззлобный	Противостояние злу
15.	Дар	Я Победный	Приобщение к добру
16.	Материальное начало	Всесчитающий	Восприятие
17.	Духовное начало	Всевидающий	Созерцание
18.	Достаток, благополучие	Целитель	Развитие
19.	Творчество	Создатель	Человек
20.	Ахура-Мазда (число – символ бога)	Я Мазда (Мудрость)	Постижение, завершенная форма мудрости

Интерпретацию имен Ахура-Мазды через числовую семантику можно выразить в едином послые пророку: «Из бесконечной | пустоты | возникла форма, | все природные явления. | И я увидел в том благо. | Мудр тот, кто стремится к природе, | поскольку в ней счастье. | Я осознал | источник | всякого блага – | рассудительность. | Я бог, | который обрел тело, | чтобы рассказать о необходимости противостояния злу | и приобщения к добру. | Воспринявший | и созерцающий добро | человек | постигает мудрость.

Таким образом, числовая семантика имен Ахура-Мазды крайне разнообразна. Первичная семантика чисел и семантика символов имен имеют двойственное выражение вне текста. В контексте Гаты Ахура-Мазде раскрытие первичной и вторичной семантики позволяет выстроить цельный рассказ от лица божества пророку Заратуштре. Семь, единственное число, значение которого не поясняется ни в Старшей, ни в Младшей Авесте, тем не менее, было распространено в ментальном комплексе персов и, видимо, его семантика была понятна носителю языка на бессознательном уровне. Так как интенция автора (Заратуштры) в обращении Ахура-Мазды имеет целостную структуру, то семантическая схема не требует пояснения «природа – счастье» или «природа – благо». Метакоды имен Ахура-Мазды содержат в себе продуманный план повествования, который, судя по всему, неоднократно менялся Заратуштрой как автором текста. Прежде всего, это касается вторичной семантики. В дальнейшем, на основе результатов исследования, числовой символизм авестийского языка схожим образом можно изучать на примере всех воплощений Ахура-Мазды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авеста в русских переводах (1861-1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака. – СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. – 480 с., карта.
2. Авеста: Избранные гимны Из Видевдата. – М: Дружба народов, 1992. – 207 с.
3. Астайкин, А. И. Теогония От Древнего мира до эпохи Возрождения : В 2 томах; Учебное пособие по гуманитарным наукам для бакалавриата, магистратуры и аспирантуры физикотехнических специальностей / А. И. Астайкин ; ФГУП «Российский федеральный ядерный центр – ВНИИЭФ». – Саратов : ФГУП «Российский федеральный ядерный центр - ВНИИЭФ», 2017. – 498 с. – DOI 10.53403/978595153671.
4. Бесолова Е.Б. О духовной сущности в воззрениях иранцев и осетин // Известия СОИГСИ. 2019. №34 (73). С. 139-148.
5. Гаты Заратуштры / перевод И.М.Стеблин-Каменского. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. – 192 с.
6. Красухин, К. Г. Язык богов, язык людей, имя в индоевропейской поэтике / К. Г. Красухин // Критика и семиотика. – 2015. – № 1. – С. 191-198.
7. Макарова, О. С. Когниосемантика отсутствующей структуры в метакодах и лексикодах английской культуры / О. С. Макарова, К. С. Иванов, А. С. Гончаров // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2020. – № 1. – С. 77-91.
8. Мамедов А.А. Зороастризм и этнокультурные традиции талышского народа // Социально-гуманитарные знания. 2011. С. 295-304.
9. Миксюк, А. С. Жреческие термины старшей Авесты / А. С. Миксюк // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 12–14 декабря 2019 года. – Владикавказ: Веста, 2019. – С. 310-313.
10. Москаленко, И. И. Сцена охоты Митры в контексте древнеиранской мифологической традиции // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. №5-1. С. 261-267.
11. Оспанов, С. И. Зороастризм один из исторических источников изучения культуры тюркских народов // Вестник СВФУ. 2009. №1. С. 116-120.
12. Соколов, С. Н. Язык Авесты / С. Н. Соколов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. – 415 с.
13. Турсунова, Г. Н. Виды разделения труда и генезис обмена в древней Центральной Азии // Вестник ТГУПБП. 2013. №3 (55). С. 71-81.

14. Халилова, Т. Ш. Представления о Рипейских горах в древнегреческой и индоперсидской литературе // Вестник МАН РС. 2020. №1. С. 64-69.

15. Ходжаева, Н. Д. Историческая география Центральной Азии по данным «Авесты» и пехлевийских источников : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ходжаева Наргис Джомиевна. – Душанбе, 2000. – 129 с.

16. Ходжаева, С.С., Нигматова, М. М. Взгляды предков по вопросу самовоспитания личности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. №50-1. С. 124-127.

17. Шарипов, И. Н. Вопросы историографирования Авесты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №3-1. С. 275-277.

REFERENCES (transliteration)

1. Avesta v russkih perevodah (1861-1996) / Sost., obshch. red., primech., sprav. razd. I. V. Raka. – SPb.: Zhurnal «Neva» – RHGI, 1997. – 480 s., karta.

2. Avesta: Izbrannye gimny Iz Videvdata. – M: Druzhba narodov, 1992. – 207 s.

3. Astajkin, A. I. Teogoniya Ot Drevnego mira do epohi Vozrozhdeniya : V 2 tomah; Uchebnoe posobie po gumanitarnym naukam dlya bakalavriata, magistratury i aspirantury fizikotekhnicheskikh special'nostej / A. I. Astajkin ; FGUP «Rossijskij federal'nyj yadernyj centr – VNIIEF». – Saratov : FGUP «Rossijskij federal'nyj yadernyj centr - VNIIEF», 2017. – 498 s. – DOI 10.53403/978595153671.

4. Besolova E.B. O duhovnoj sushchnosti v vozzreniyah irancev i osetin // Izvestiya SOIGSI. 2019. №34 (73). S. 139-148.

5. Gaty Zaratushtry / perevod I.M.Steblyn-Kamenskogo. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009. – 192 s.

6. Krasuhin, K. G. Yazyk bogov, yazyk lyudej, imya v indoevropejskoj poetike / K. G. Krasuhin // Kritika i semiotika. – 2015. – № 1. – S. 191-198.

7. Makarova, O. S. Kogniosemantika otsutstvuyushchej struktury v metakodah i leksikodah anglijskoj kul'tury / O. S. Makarova, K. S. Ivanov, A. S. Goncharov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda. – 2020. – № 1. – S. 77-91.

8. Mamedov A.A. Zoroastrizm i etnokul'turnye tradicii talyshskogo naroda // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2011. S. 295-304.

9. Miksyuk, A. S. Zhrechieskie terminy starshej Avesty / A. S. Miksyuk // Molodye

uchenye v reshenii aktual'nyh problem nauki : Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Vladikavkaz, 12–14 dekabrya 2019 goda. – Vladikavkaz: Vesta, 2019. – S. 310-313.

10. Moskalenko, I. I. Scena ohoty Mitry v kontekste drevneiranskoj mifologicheskoy tradicii // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2010. №5-1. S. 261-267.

11. Ospanov, S. I. Zoroastrizm odin iz istoricheskikh istochnikov izucheniya kul'tury tyurkskikh narodov // Vestnik SVFU. 2009. №1. S. 116-120.

12. Sokolov, S. N. Yazyk Avesty / S. N. Sokolov. – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1964. – 415 s.

13. Tursunova, G. N. Vidy razdeleniya truda i genesis obmena v drevnej Central'noj Azii // Vestnik TGUPBP. 2013. №3 (55). S. 71-81.

14. Halilova, T. Sh. Predstavleniya o Ripejskikh gorah v drevnegrecheskoj i indopersidskoj literature // Vestnik MAN RS. 2020. №1. S. 64-69.

15. Hodzhaeva, N. D. Istoricheskaya geografiya Central'noj Azii po dannym «Avesty» i pekhlevijskikh istochnikov : special'nost' 07.00.09 «Istoriografiya, istochnikovedenie i metody istoricheskogo issledovaniya» : dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Hodzhaeva Nargis Dzhomievna. – Dushanbe, 2000. – 129 s.

16. Hodzhaeva, S.S., Nigmatova, M. M. Vzglyady predkov po voprosu samovospitaniya lichnosti // Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. 2016. №50-1. S. 124-127.

17. Sharipov, I. N. Voprosy istoriografirovaniya Avesty // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2015. №3-1. S. 275-277.

Рецензент:

Володькова Е.Н. – кандидат исторических наук, профессор, доцент кафедры Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института.